

Жанна Даниленко

ЛЮБА

УДК 82-3
ББК 84-4
Д18

Д18 Даниленко Ж.
Люба / Жанна Даниленко – М.: Литнет, 2026. – 404 с.

ISBN 978-5-521-99566-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛО- ГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОН- НЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕН- НУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Люба — блестящая и одинокая девочка, выросшая в тени гениального, но холодного отца. Ее мир — это библиотеки, иностранные языки и тишина огромной квартиры, где нет места обычному детству. Единственным лучом света на всю жизнь для нее становится случайная встреча на новогоднем празднике — с мальчиком, который навсегда останется в ее памяти как обещание иного, теплого мира.

Годы спустя их пути пересекаются снова. Теперь он — талантливый врач из ниоткуда, борец за место под солнцем. Она — вундеркинд, пытающаяся найти себя между строгим отцом и собственным бунтом. Между ними вспыхивает не просто страсть, а неодолимая, почти мистическая связь, грозящая разрушить все тщательно выстроенные планы и карьеры. Но сможет ли Люба, привыкшая жить в тени, отвоевать свое право на любовь, или ее судьба навсегда останется в руках тех, кто решил, что знает лучше? И какую цену придется заплатить за счастье, построенное на обмане?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99566-0

© Литнет, 2026
© Ж. Даниленко, 2026

Праздник

Зал сиял. Огромная, до самого потолка, ёлка была усыпана настоящими стеклянными шарами, хлопушками и гирляндами из разноцветных лампочек. Их теплое мерцание отражалось в паркете, превращая пол в волшебное озеро. Люба, прижавшись спиной к прохладной стене, впитывала эту красоту. Она никогда не видела столько света и веселья одновременно. В её мире, состоявшем из тишины отцовской библиотеки, строгих графиков занятий и шелеста страниц, это было ослепительно.

«Как здесь красиво, – думала она, замороженно следя за кружением снежинок, спускающихся с потолка. – Совсем как в сказке про Золушку». Она представила себя принцессой на царском балу. Вокруг носилась, смеялась и визжала толпа детей. Кто-то в костюме зайчика, кто-то – снежинки. Люба наблюдала за ними с тихим любопытством учёного, изучающего новый вид существ. Она не знала, как с ними играть. Её играми были воображаемые путешествия по картам в атласах и диалоги с персонажами книг.

Но сегодня она была счастлива. В своём алом бархатном платье, выбранном вчера с отцом, она чувствовала себя не просто Любой, а особенной девочкой. Платье было её доспехами, а ярко-красные лаковые туфельки – волшебными башмачками. Она крутанулась, чтобы ещё раз услышать шуршание ткани и увидеть, как разлетается подол. Да, тонкие ножки в белых колготках казались ей смешными спичками, но это были её спички, и они танцевали.

Она поймала на себе взгляд отца. Он стоял вдалеке, разговаривая с серьёзным мужчиной в очках. Профессор Корецкий, её папа, казался здесь инородным телом – высокий, подтянутый, с седыми висками и вечно уставшими, но острыми глазами. Его присутствие было её якорем.

И тут случилось чудо.

К ней через зал шёл мальчик. Не бежал, как другие, а шёл. Лучики гирлянд играли в его белокурых волосах, а синие глаза казались бездонными. Он был похож не на обычного мальчика, а на того самого звёздного принца из книжки, которую она читала на французском.

– Ты будешь со мной танцевать? – спросил он. Его голос был спокойным и взрослым.

Сердце Любы замерло, а потом забилося так, будто хотело выпрыгнуть из алого бархата. Вся её заученная грамматика четырёх языков испарилась, оставив лишь одно простое слово.

– Да, – прошептала она, уже мысленно представляя, как они кружатся под музыку, которая вот-вот должна была начаться.

Но вместо первых аккордов вальса раздался твёрдый, знакомый голос:

– Извини, нам пора.

Рядом возник отец. Его лицо было напряжённым, в уголках губ залегли жёсткие морщины.

– Но праздника ещё не было! – вырвалось у Любы. Это была не просьба, а тихий крик отчаяния. Чудо было так близко.

– Мне надо на работу, Люба. Это не обсуждается.

Он говорил на русском, что в их семье означало высшую степень серьёзности. В глазах девочки навернулись предательские слёзы. Она обернулась к мальчику, к своему так и не состоявшемуся кавалеру, и сказала, глотая комок в горле:

– Пригласи кого-нибудь другого.

Она взяла отца за большую, тёплую руку – руку хирурга, спасающего жизни, – и позволила увести себя из сияющего зала. Волшебный бал закончился, не успев начаться.

Дома, в десятикомнатной тишине их квартиры, пахнувшей книгами и лекарствами, она скиталась как неприкаянная тень. Алый наряд, такой праздничный, теперь казался просто маскарадным костюмом. Она зашла в отцовскую библиотеку – свою крепость и убежище.

Полки, уходящие под потолок, были её друзьями. Она потянулась к знакомому корешку, взяла книгу про пиратов и уткнулась в неё, стараясь заглушить обиду. Буквы расплывались, но скоро опасный мир океанских просторов, абордажей и кладов поглотил её. Она уснула тут же, в кресле, с книгой на коленях. И ей снились сны, где пиратская шхуна бороздила моря, а на её капитанском мостике стоял белокурый мальчик с глазами цвета летнего неба.

Утром отец вернулся, пахнувший больничным антисептиком и усталостью. Он молча приготовил завтрак: идеальную глазунью и какао. «Guten Morgen, Люба», – сказал он. Среда – день немецкого языка. В свои пять лет Люба автоматически переключилась и ответила. Её мир вернулся в свою интеллектуальную колею: занятия, языки, книги. «Моя задача – дать тебе хорошее образование», – как мантру, произнёс отец, глядя её по голове. В его прикосновении она чувствовала и любовь, и вину, и какую-то непреклонную решимость.

Она очень старалась. Она обожала его тихой, всепоглощающей любовью, в которой было обожание, благодарность и щемящая жалость. Он был её всем: отцом, матерью, учителем и единственной вселенной. А вселенная, как она уже начинала понимать, была большой, холодной и очень одинокой.

Глава 2

Девочка исчезла, словно призрак. Саша долго смотрел на пустой угол, где она только что стояла, вся в алом бархате, с глазами, полными недосказанной печали. Какие у неё были огромные, тёмные глаза! Как у испуганной лани из мультфильма. В них не было веселья, привычного другим детям.

Разочарованный, он поплёлся к матери, но замер, услышав её разговор с одной дамой. Сплетничали они откровенно, с холодным любопытством.

– Видела? Значит, у Корецкого всё-таки есть дочь, а мы гадали, правду говорили или как...

Фразы вонзались в Сашу, как иголки. «Худая... нормальная ли?.. Его ли?.. Больная... взгляд дикий...» Ему стало не просто жаль, а безумно жалко эту незнакомку. Её разглядывали как диковинку, судили, сомневались в ней. А он даже имени не узнал.

– Папа, почему тот мужчина увел с праздника свою дочь? – спросил он, подойдя к отцу, Борису Александровичу.

Тот, оторвавшись от беседы с коллегой, посмотрел на сына серьёзно:

– На ткацкой фабрике случился пожар, говорят, много пострадавших. А профессор Корецкий – врач, директор клиники. Ему надо на работу. Понимаешь, для врачей нет праздников, когда есть больные. Работа такая, сынок.

В этом объяснении была суровая правда и долг. И в тот миг в душе Саши что-то щёлкнуло.

– Папа, ты будешь возражать, если я тоже буду врачом?

Отец удивился, внимательно посмотрел на него: «Нет, почему я должен возражать? Только надо хорошо и много учиться. А ты пока особо не стараешься».

– Я понял, – твёрдо сказал Саша. – Я подумаю.

Он думал. Дома, в тесной двухкомнатной квартире в Измайлово, где вечно пахло капустой и старыми обоями. Он думал о профессоре Корецком, который бросал праздник, чтобы спасти людей. О его дочери с грустными глазами, которая, наверное, тоже сидела сейчас в огромной пустой квартире и ждала. Он решил твёрдо: он станет врачом. Не просто врачом, а таким, как Корецкий – уважаемым, нужным, тем, кто не боится уйти с бала.

Но его собственная реальность напоминала о себе криками. Дома опять был скандал. Мать, Марина Сергеевна, с надрывом выкрикивала что-то о несправедливости, о деньгах, о том, что её «загубили в этой дыре». Отец пытался вставить рациональные аргументы, но его голос тонул в этом визге. Двухлетний Лёшка ревел в углу. Саша, вздохнув, превратился из мечтателя в хозяйственника. Он накормил брата, сварив кашу на последнем молоке, успокоил его. Потом, когда отец вышел из спальни с помятым лицом, Саша спросил деловито:

– Папа, тебе пожарить картошку или сварить макароны?

Он был мостом между враждующими берегами своей семьи. В разговоре с отцом он впервые озвучил своё решение об отличной учёбе и медали. Отец, уставший, но внимательный, выслушал. «Я буду рад, если ты станешь достойным человеком», – сказал он. Эти слова стали для Саши второй путеводной звездой после образа профессора Корецкого.

Привычная, хоть и беспокойная, жизнь рухнула в один момент. После защиты докторской отец уехал в Мадрид на конференцию. Прощаясь, он крепко обнял Сашу и сказал то, что запомнится навсегда: «Постарайся стать человеком с большой буквы». Больше его никто не видел.

Через несколько недель пришли люди в строгой форме. В КГБ матери холодно сообщили, что Борис Александрович Борисов попросил политическое убежище на Западе. Он стал «предателем Родины», «изменником». Клеймо легло на всю семью. Марину Сергеевну

уволители с позором. Пришёл приказ о выселении. Москва, едва ставшая домом, отторгла их. Им предстоял долгий путь в ссылку, в далёкий, незнакомый Казахстан.

В товарном вагоне, увозящем их в неизвестность, двенадцатилетний Саша прижимал к себе спящего брата. За окном мелькали бесконечные степи. Он думал не о предательстве отца, а о его последних словах. Он думал о профессоре Корецком и его дочери. И где-то в глубине души, под вой ветра в щелях вагона, крепло и закалялось, как сталь, решение. Он выживет. Он станет врачом. Он найдёт её, эту девочку с грустными чёрными глазами. И однажды, когда-нибудь, он придёт к ней не как мальчик с ёлки, а как человек, выполнивший свой долг и своё слово. Человек с большой буквы.

Тамара

Александр Валерьевич Корецкий был выходцем из дворянской семьи, правда, его отец вступил в партию, и ему оставили пару комнат в фамильной московской квартире. Квартиру сначала переделали в коммунальную, там жили еще несколько семей, но когда родители Александра Валерьевича умерли, а сам он стал ученым с мировым именем, все десять комнат достались ему.

Сам он тоже был коммунистом, не столько по убеждению, сколько для того, чтобы не мешали работать.

Благодаря дружбе с нужными людьми и огромному таланту он сделал хорошую карьеру. К тридцати пяти годам стал доктором наук. Его труды печатались в ведущих журналах, и с выездом за рубеж на конференции и с лекциями проблем не возникало.

В отличие от профессиональной карьеры, личная жизнь у него не складывалась.

Первый раз он женился сразу после института. Родителям не понравилась провинциальная девочка, но они уже ждали ребенка. Развязка была быстрой. Молодой жене хотелось в кино, на танцы, погулять. Ребёнок тяготил обоих. Александру – работать, а ей – развлекаться. Ее развлечения тоже мешали работе. Начались скандалы. Затем она нашла другого и уехала с ним. Александр Валерьевич вздохнул с облегчением...

Второй раз он женился в пятьдесят. Это была любовь всей его жизни.

Он читал лекцию по практическому применению биохимии в терапии на кафедре института усовершенствования врачей, когда обратил внимание на курсантку. «Мадонна», – подумал он. Яркая черноволосая женщина лет двадцати трех-двадцати пяти сидела в первом ряду. После лекции он подошел к ней и пригласил в ресторан. Та приняла приглашение. Бурный роман закончился свадьбой.

Александр Валерьевич был счастлив. Он везде старался появляться с Тамарой – молодая жена всегда была в центре внимания. Невероятно красивая, умная, она умела себя вести в любом окружении. У них появилось много друзей. Тамара без проблем заводила нужные знакомства. Их часто приглашали в высшее общество, и Тамара становилась лучшей подругой министерским женам и желанной гостьей их мужей. Это благоприятно отражалось на деятельности Корецкого, расположение к его жене распространялось и на работы профессора. Он часто бывал на конференциях за границей, читал лекции в Гарварде, у него имелись валютные счета в банках, и во всех поездках Тамара сопровождала его.

Тамара была из Саратова, но как только стала москвичкой, общаться со своими родственниками перестала. Корецкий на общении с родней не настаивал. Ему была нужна только она, все остальные его не интересовали. Тамара была идеальной женщиной. В гостях – королева, дома – хозяйка. Она прекрасно готовила, сделала ремонт в квартире по своему вкусу, всегда встречала мужа с улыбкой. Тамара сумела стать необходимой, так как могла помочь во всем. Работая простым физиотерапевтом, она блистала везде: больные были от неё без ума, а все, к чему она прикасалась, приобретало новую, более яркую окраску.

В Бостоне у Корецких была квартира, чтобы было удобней и комфортней жить. Тамара любила бывать в Штатах, любила ходить по бостонским магазинам, сидеть в кафе. Александр Валерьевич много времени проводил в лабораториях Гарварда. Часто публиковались его совместные исследования с Американскими учеными по генной инженерии проблем старения. В Москве, в клинике, которой он руководил, была открыта лаборатория закрытого типа по получению препаратов, влияющих на рост и старение. Лаборатория имела свой виварий и отделение, где содержались человекообразные обезьяны, их привозили из НИИ в Сухуми.

Так продолжалось три года. Три года счастья пролетели для Корецкого как один день.